

СКАЗКА О ЦАРЕ БЕРЕНДЕЕ,
О СЫНЕ ЕГО ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ,
О ХИТРОСТЯХ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО
И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ-ЦАРЕВНЫ,
КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ

Жил-был царь Берендей *до колен борода*. Уж три го-
ды он женат и жил в согласье с женою; но все им
детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
он простился с царицей и восемь месяцев ровно
пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, ког-

да царской столице своей подъезжая, на поле чистом
в какой-нибудь день отдохнуть рассудил; разбили палатки
и ушло стало царю под палаткой, и смерть захотел
выпить студеной воды. Но поле было безводно...

Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он решил
сам объехать все поле: авось, попадется на счастье
где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспеш-
но приняв с коня, заглянул он в него: он полон водок
до самых краев; золотой на поверхности ковш
висит. Царь Берендей поспешно за ковшик — не тут-
то! ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
царь с нетерпением то правой рукою, то левой хватил
ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
только что дразнит царя и никак не дается.

Вот причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковш
попал на место, хватил его разом справа и слева —
и бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка
нырнул

Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывал. «Постой же!

(подумал
Царь Берендей) я напьюсь без тебя», и, недолго
сбираясь,

Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет... аи нет, погоди! не пускают; и кто-то
Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою —
Держат его, да и только. «Кто там? пустите!» —

кричит он.

Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна образина:
Два огромные глаза горят, как два изумруда;

Рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и языка, меж зубами
Выставясь, дразнит царя; а в бороде впутались крепко
Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: «Не трудись, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,

Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».

Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
Все!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен».

«Ладно! — опять сиповатый послышался голос. —

Смотри же,

Слово сдержи, чтоб себе не нанести ни попрека, ни худа».

С этим словом исчезли клешни; образина пропала.

Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,
Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.

Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал,
Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами
Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольнях
Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим

палатам —

Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей
Рядом первый министр; на руках он своих парчевую
Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный

как светлый

Месяц, в пеленках копышется. Царь догадался и ахнул.

«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый

Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько

заплакал.

Все удивились, но слова никто не промолвил. Младенца на руки взявши, царь Берендей любовался им долго, сам его внес на крыльцо, положил в колыбельку и, горе скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал.

О тайне Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко Царь был печален — он все дожидался: вот придут за сыном;

Днем он покоя не знал, и сна не ведал он: ночью. Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич Рос не по дням — по часам; и сделался чудо-красавец. Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось, вовсе забыл... но другие не так забывчивы были. Риз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую Чищу захал один. Он смотрит: все дико; поляна; Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа. Друг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда Чудный какой-то старик, с бороною зеленой, с глазами Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, —

сказал он. — Долго тебя дожидались мы; пора бы нас вспомнить». «Кто ты?» — царевич спросил. «Об этом после;

теперь же Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею, Мой поклон огнеси да скажи от меня: не пора ли, Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно

миновалось Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». И с этим Слоном исчез бородатый старик. Иван же царевич И крепкой думе поехал обратно из темного леса. Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит. «Ванюшка царь-государь, — говорит он, — со мною

случилось Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал. Царь Берендей побледнел как мертвец. «Беда, мой сердечный

Друг, Иван-царевич! — воскликнул он, горько заплакав. — Видно, пришлось нам расстаться!..» И страшную тайну о данной Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися, родитель, —

Так отвечал Иван-царевич, — беда невелика. Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;

Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто
не проведал,

Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
Крест на шею надела ему; отпели молебен;
Нежно потом обнялись, поплакали... с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий; в исходе четвертого — солнце
Только успело зайти — подъезжает он к озеру; гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник — и все как будто бы дремлет;
Воздух не веет; тростинка не тронется; шороха

в струйках

Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уток подле
Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня; высокой травкою
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько
Взял; потом угнездился в кусте дожидаться, что будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют.
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись,

подплыли

К берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли.
Только тридцатая утка, на берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком
Около берега бьется; с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет...

Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человечьим
Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Ты мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
Сидеть не стал, положил на травку сорочку и, скромно
Сидя на травке, стал за кустом. Вспорхнула на травку
И вдруг видит Иван-царевич? Девица
Стоит перед ним, молода и прекрасна

Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать,
и, краснея,

Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит:

«Благодарствуй,

Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал;
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь: я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна;
Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным
Царством владеет Кощей. Он давно уж тебя поджидает
В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:
Только завидишь Кощея-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи; затопают он — не пугайся;
Станет ругаться — не слушай; ползи да и только:

что после

Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей; расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство

спустились.

Видят дворец Кощея бессмертного; высечен был он
Весь из карбункула-камня и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кощей сидит на престоле в светлой короне;
Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями.
Только завидел сго вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кощей же затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды
Царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу;
Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Наноследок
Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, —

сказал он, —

Если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим
К нам в подземельное царство; но знай, за твое

ослушанье

Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся
мы завтра;

Нынче уж поздно; поди». Тут два придворных проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили.
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался

Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро
Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул.
«Ну, Иван-царевич, — сказал он, — теперь мы посмотрим,
Что-то искусен ты делать? Изволь, например,

нам построить
Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг регулярный
Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь
Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нет, то прошу не пенять... головы

не удержишь!»
«Ах ты, Кощей окаянный, — Иван-царевич подумал, —
Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной
Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж вечер;
Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку,
Бьется об стекла — и слышит он голос: «Впусти!»

Отворил он
Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич; о чем ты
Так призадумался?» — «Нехотя будешь задумчив, —
сказал он. —
Батюшка твой до моей головы добирается». — «Что же
Сделать решил ты?» — «Что? Ничего. Пускай его
снимет

Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь».
«Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам
Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися
Спать; а завтра поране встань; уж дворец твой
построен

Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай
в стену».

Так все и сделалось. Утром, ни свет ни заря, из каморки
Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен.
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей

изумился;
Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, —
Так он сказал Ивану-царевичу, — вижу, ты ловок
На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен.
Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь
Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки

Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать;
не узнаешь —
С плеч голова. Поди». — «Уж выдумал, чучела,
мудрость, —
Думал Иван-царевич, сидя под окном. — Не узнать мне
Марью-царевну... какая ж тут трудность?» —

«А трудность такая, —
Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, — что если
Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью
Может нас различать». — «Ну что же мне делать?» —

«А вот что:
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь

хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла.
Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет
Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одинаком
Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, —
Молвил Кощей, — изволь-ка пройтись три раза мимо
Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать нам
Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он
в оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит
в первый раз — мошки нет; проходит в другой раз —
все мошки

нет; проходит в третий и видит — крадется мошка,
чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
горит; загорелось и в нем, и с трепещущим
сердцем:

«Что она, Марья-царевна!» — сказал он Кошеею, подавши
руку красавице с мошкой. «Э! э! да тут, примечаю,
что не чисто, — Кощей проворчал, на царевича
с сердцем

Уви оба зеленые глаза. — Правда, узнал ты
Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость;
я, с грехом пополам. погоди же, теперь доберуся
тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй;
мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
покажи: яжгу я соломинку; ты же, покуда
горит та соломинка, здесь, не трогаясь с места,
мне шару сапог с оторочкой; не диво; да только
наперед: не сошьешь — долой голова; до свиданья».

Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив,
Милый Иван-царевич?» — спросила она. «Поневоле
Будешь задумчив, — он ей отвечал. — Отец твой затеял
Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой;
Разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже
Родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много
Этих бессмертных». — «Иван-царевич, да что же

ты будешь
Делать?» — «Что мне тут делать? Шить сапогов я
не стану.
Снимет он голову — черт с ним, с собакой! какая мне
нужда!»

«Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся
Или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж другого
Способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна
Плюнула; слюнки в минуту примерзли к стеклу;

из каморки
Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе,
Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
Там очутились, откуда сошли в подземельное
царство.

То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
Луг, и, видяг, по лугу свежему бодро гуляет
Конь Ивана-царевича. Только почувял могучий
Конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался
Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный в землю
Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелою.
Царь Кощей в назначенный час посылает придворных
Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят;
Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им слюнки,
Словно как сам Иван-царевич, отвечают: буду.
Этот ответ придворные слуги относят к Кощейю;
Ждать-подождать — царевич нейдет; посылает

в другой раз
Тех же послон рассерженный Кощей, и та же всё песня:
Буду; а нег никого. Взбесился Кощей. «Насмехаться,
Что ли, он вздумал? Бежите же; дверь разломать
и в минуту

За ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились
слуги...

Двери разломаны... вот тебе раз; никого там, а слюнки
Так и хохочут. Кошей едва от злости не лопнул.

«Ах! он вор окаянный! люди! люди! скорее
Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
Он убежит!..» Помчалась погоня... «Мне слышится
топот», —

Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись
Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня и, припавши
Ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». —

«Так медлить

Нечего», — Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
Скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись, стали
В пень Кошесвы слуги: след до мостика виден;

Дале же и след пропадает, и делится на три дорога.
Нечего делать — назад! Воротились разумники. Страшно
Царь Кошей разозлился, о их неудаче услышав.

«Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться
Можно бы вам, дуралеям! Назад! чтоб был непременно
Здесь он!» Опять помчалась погоня... «Мне слышится
топот», —

Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.

Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
«Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их, дремучим
Сделались лесом; в лесу том дорожек, тропинок

числа нет;

По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.
По свежему следу гонцы примчались к лесу;
Видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.
Лес же раскинулся вплоть до входа в Кошесво царство.
Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;
Кажется, близко; ну только б схватить; ан нет, не
дается

Глядя! очутились они у входа в Кошесво царство,
И в самом том месте, откуда пустились в погоню; и
скрылось

Ни ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками
Смани явились к Кошею они. Как цепная собака,

Начал метаться Кошей. «Вот я ж его, плута! Коня мне! Сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!»
Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько
Шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей отвечает:
«Скажут, и близко». — «Беда нам! Ведь это Кошей,
мой родитель
Сам; но у первой церкви граница его государства;
Далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Подай мне
Крест твой с мощами». Послушавшись Марьи-царевны,
снимает

С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
Он в монаха, а конь в колокольню — и в ту же минуту
С свитою к церкви Кошей прискакал. «Не видал ли
проезжих,
Старец честной?» — он спросил у монаха. «Сейчас
проезжали

Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили
В церковь они — святым помолились да мне приказали
Свечку поставить за здравье твое и тебе поклониться,
Если ко мне ты заедешь». — «Чтоб шею сломить им,
проклятым!» —
Крикнул Кошей и, коня повернув, как безумный
помчался
С свитою назад, а примчавшись домой, пересек
беспощадно

Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся
Боле погони. Вот они едут шажком; уж склонялось
Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними
Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось
В этот город захватить. «Иван-царевич, — сказала
Марья-царевна, — не езд; недаром вешее сердце
Ноет во мне: беда приключится». — «Чего ты боишься,
Марья-царевна? Засдем туда на минуту; посмотрим
Город, потом и назад». — «Захватить нетрудно, да трудно
Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь
Белым камнем лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь осторожен: царь, и царица, и дочь их царевна
Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец
Будет; младенца того не целуй: поцелуешь — забудешь
Тотчас меня; тогда и я не останусь на свете,
С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,

Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третий День не придешь... но прости, поезжай». И в город поехал,

С нею простоя, Иван-царевич один. У дороги Белым камнем осталася Марья-царевна. Проходит День, проходит другой, напоследок проходит и третий — Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!

Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна; Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-

кудряшка,

Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился прямо В руки Ивану-царевичу; он же его красогою Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки Начал его целовать; и в эту минуту загмилась Память его, и он позабыл о Марье-царевне.

Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне Неважно боле». И в то же мгновение из белого камня Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилася. «Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет Кто-нибудь в землю меня», — сказала она, и росинки Слез на листках голубых заблестали. Дорогой в то время

Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел; Нежной его красотою пленясь, осторожно он вырыл С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой минуты

Вед не по-старому стало в избушке; чудесное что-то Начало даяться в ней: проснется старик — а в избушке Вед уж как надобно прибрано; нег нигде ни пылинки.

В полдень придет он домой — а обед уж состряпан, и чистой

Сквертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье.

Он думился, не знал, что подумать; ему напоследок

Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки

Начал совета просить, что делать. «А вот что ты сделай, —

Так отвечала ему ворожейка, — встань ты до первой

Пашней зари, пока петухи не пропели, и в оба

Сиди в гряди: что начнет в избушке твоей шевелиться,

То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь».

Целую ночь напролет старик пролежал на постеле, Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой

встрепенулся,

С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке; Все между тем по местам становилось, повсюду

сметалась

Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно с постели Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.

«Что ты сделал? — сказала она. — Зачем возвратил ты Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич прекрасный, Бросил меня, и я им забыта». — «Иван твой царевич Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен, и гости Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна; Слезы потом отерла; потом, в сарафан нарядившись, В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую

кухню;

Бегают там повара в колпаках и фартуках белых; Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, приближась К старшему повару, с видом умильным и сладким,

как флейта,

Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай, позволь мне

Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар, Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но слово Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым

взглядом.

«В добрый час, девица-красавица; все, что угодно, Делай; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой». Вот пирог испечен; а званые гости, как должно, Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем; гости Все удивились, увидя пирог. Но лишь только верхушку Срезал с него Иван-царевич — новое чудо!

Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда. Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует: «Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне

ты забудешь!

Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!» Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;

